

ДЖОН

ДОС ПАССОС

42-я параллель

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д70

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского *И. Кашкина*

Дос Пассос, Джон.

Д70 42-я параллель / Джон Дос Пассос ; [перевод с английского И. Кашкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-188239-6

«42-я параллель» — роман-калейдоскоп с необычной формой повествования, состоящий из множества отдельных фрагментов и разных сюжетных линий. В его основе лежат истории нескольких персонажей, чьи жизненные пути, переплетаясь, отражают важнейшие социально-политические изменения в обществе: рост рабочего движения, забастовки, падение курса акций, Первая мировая война. Автор чередует их с газетными вырезками, биографиями известных личностей и авторскими отступлениями, которые позволяют читателю полностью погрузиться в атмосферу Америки начала 20-го века и увидеть события глазами современников.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Эти ураганы — предмет неиссякаемого интереса всех исследователей американской метеорологии, и много труда было потрачено на различные гипотезы о законах, ими управляющих. Некоторые из этих законов, в частности те, которые определяют их внешние признаки и главные направления, могут считаться вполне установленными; основные проявления их настолько очевидны и так часто повторяются, что самое несовершенное наблюдение не могло не привести к некоторым выводам...

Короче говоря, эти ураганы следуют по трем путям, или направлениям — от Скалистых гор к Атлантическому океану, и центральная их ось приблизительно совпадает с 42-й параллелью северной широты; все циклонические явления, как правило, двигаются на восток со скоростью не менее двадцати, а в периоды сильных западных ветров и зимою обычно даже тридцати или сорока миль в час.

Американская климатология

Е. У. Ходжинс. Чикаго, 1865

Новости Дня I

*Наша рота скинув ранцы
Шла в атаку на холмы
Где нас встретили повстанцы
Озлобления полны*

Черный медведь на свободе в аллеях Гайд-парка вести о полярном исследователе Пири НЕ ПОРА ЛИ РАБОЧИМ ОБРАЗУМИТЬСЯ смерть Оскара Уайльда некогда знаменитый писатель умирает в бедности в Париже Яростная схватка с бандитами.

СТОЛИЦА НА ГРАНИ НОВОГО ВЕКА

Генерал Майлс в своем пышном мундире и на горячем боевом коне привлекал всеобщее внимание особенно потому, что конь его не стоял на месте. Когда оркестр проходил мимо главнокомандующего, конь взвился на дыбы и встал почти вертикально. Генерал Майлс тотчас же натянул поводья и дал шпоры, пытаясь обуздать испуганное животное, которое, к ужасу зрителей, упало навзничь и придавило главнокомандующего. К великому облегчению зрителей, генерал Майлс не пострадал, но у лошади был сильно ободран бок. Весь мундир генерала Майлса был покрыт пылью, и на спине, где сукно лопнуло, образовалась дыра в дюйм диаметром. Не дожидаясь, пока кто-нибудь отряхнет пыль

с мундира, генерал Майлс снова сел на коня и как ни в чем не бывало продолжал принимать парад.

Происшествие, естественно, привлекло внимание толпы, и особо отмечено было, что главнокомандующий ни разу не пропустил знамени без того, чтобы не снять головного убора, и оставался с непокрытой головой, пока проходили знамена

ЧИНОВНИКИ ПОПУСТИТЕЛЬСТВУЮТ ПОРОКУ

*А наш ротный командир
Прирожденный был солдат
Шел бесстрашно впереди
И на приступ вел отряд*

Санитарная охрана направляет воду реки Чикаго в сточные каналы ОЗЕРО МИЧИГАН ПРОТЯГИВАЕТ РУКИ ОТЦУ ВОД Состязание певчих канареек организуемое немецким Züchterverein'ом¹ открывается борьба за биметаллизм в соотношении 16 к 1 еще не проиграна заявил БРАЙАН БРИТАНЦЫ РАЗБИТЫ ПОД МАФЕКИНГОМ

Много их погибших на Лусоне

ТРЕБУЕМ ФИЛИППИНЫ НА ВЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА

В Гамильтон-клубе выступил с речью бывший член конгресса от Индианы Поззи

ШУМ ПРИВЕТСТВУЕТ НОВЫЙ ВЕК
ТРУД ПРИВЕТСТВУЕТ НОВЫЙ ВЕК
ЦЕРКОВЬ ПРИВЕТСТВУЕТ НОВЫЙ ВЕК

¹ Общество по разведению домашних животных (нем.).

В то время когда часы отбивают начало нового века, мистер Мак-Кинли усердно работает у себя в кабинете

НАЦИЯ ПРИВЕТСТВУЕТ ЗАРЮ НОВОГО ВЕКА

произнося тост Слався Колумбия на банкете Колумбия-клуба в Индианаполисе, бывший президент Бенджамин Гаррисон сказал между прочим: Ни здесь, ни где бы то ни было я не стал бы возражать против территориальной экспансии, но вопреки мнению многих я не считаю путь территориальной экспансии наиболее надежным и обещающим путем национального развития. В настоящее время благодаря обильным запасам дешевого угля и железа, чудовищному накоплению пищевых продуктов, благодаря нашим изобретениям и рационализации производства мы обогнали самые старые и самые мощные из колониальных держав.

Девушки из общества возмущены: танцевать с сыщиками

*Много их погибших на Лусоне
и Минданао*

ЖРИЦЫ ЛЮБВИ ИЗБИТЫ ТОЛПОЙ В НЬЮ-ДЖЕРСИ

одна из литографий изображает примадонну в костюме откровенней даже принятых на пляже Атлантик-Сити; леди сидит на докрасна раскаленной плите, запряженной двумя омарами, и держит в одной руке пенящийся бокал, в другой — вожжи из разноцветных лент

*Много их погибших на Лусоне
Минданао
и Самаре*

Провозглашая тост в честь двадцатого века, сенатор Альберт Дж. Беверидж сказал между прочим: Двадцатый век

будет веком Америки. Мысль Америки будет господствовать в нем. Прогресс Америки покажет ему путь. Деяния Америки обессмертят его.

Цивилизованный мир никогда не откажется от Шанхая. Цивилизованный мир никогда не уступит Гонконга. Ворота Пекина никогда больше не преградят доступ методам современности. Возрождение мира как физическое, так и моральное началось, и революции никогда не идут вспять.

*Много их погибших на Филиппинах
Покоится в заброшенной могиле*

Камера-обскура (1)

Когда идешь по дорожкам, надо непременно ступать по щебню, чтобы как-нибудь не наступить на яркие боязливые стебельки; легче, когда держишься за мамину руку и повиснешь на ней, тогда можно вволю брыкаться, но, когда идешь быстро, приходится топтать слишком много стебельков, бедные, они зелеными языками приминаются под ногой, может быть, потому эти люди так сердиты и машут нам вслед кулаками. Они швыряют камни. Большие — и швыряют камни. Мама идет быстро, и мы бежим. Острые носки ее туфель из-под развевающихся складок коричневого шерстяного платья врезаются в самую гущу бедных примятых стебельков. Engländer¹... камень щелкает и подпрыгивает по щебню. Скорее, милый, скорее к продавщице открыток, у нее в лавке спокойно, злые люди остались на улице и не войдут сюда. Non nein nicht Engländer amerikanisch american... Hoch Amerika, Vive l’Amerique². Она смеется. Дорогая моя, они меня так напугали... Война в вельде... Крюгер... Блумфонтейн... Ледисмит... и королева Виктория старая леди в остро-

¹ Англичане (нем.).

² Нет (фр.) нет не англичане американцы (нем.) американцы (фр.)... Да здравствует Америка (нем. и фр.).

конечном кружевном чепце упаковывает солдатам шоколад к Рождеству.

Под прилавком темно, и леди, добрая немецкая леди, которая любит американцев и у которой родные в Трен-тоне, показывает открытки, и светятся в темноте окна отелей и дворцов. О que c'est beau... schön... prittie prittie...¹, и лунные блики струятся струятся под мостом и крошечные reverbères² светятся в темноте под прилавком и крошечные окна гостиниц вдоль набережной... О que c'est beau la lune³... и большая луна.

Мак

Когда ветер тянул из-за реки, со стороны фабрик серебряных изделий, воздух в сером четырехквартирном доме, где родился Фейни Мак-Крири, на весь день отравляла вонь китовой ворвани. В другие дни пахло капустой и пеленками и корытами миссис Мак-Крири. Фейни нельзя было играть дома, потому что Отец, хромой, с впалой грудью, клочковатой сединой жидких усов, служил ночным сторожем на заводе «Чедвик» и днем отсыпался. Только часам к пяти выходящая струйка табачного дыма просачивалась из жилой комнаты на кухню. Это был знак, что Отец встал и хорошо настроен и скоро потребует ужинать.

Потом Фейни посылали на угол за покупками, и он шел по короткой грязной улице, сплошь застроенной рядами однотипных дощатых домов, в одном из которых они жили.

Направо — полквартала до Финлея, где ему приходилось ждать у стойки, в лесу забрызганных грязью штанин,

¹ О, как прекрасно (*фр.*)... красиво (*нем.*)... прелестно... (*искаж. англ. pretty*)

² Рефлекторы (*фр.*).

³ О, как прекрасна луна (*фр.*).

пока вся очередь взрослых не заткнет горлающих глоток пивом и виски. Тогда он возвращался домой, осторожно ступая по скользкой грязи, и дужка переполненного пивной пеной ведерка врезалась ему в руку.

Налево — полквартала до бакалейной Меджиниса «Местные и колониальные товары». Фейни нравился картонный негр в витрине — реклама детской овсянки, застекленный прилавок с различными сортами колбас, бочки с картофелем и капустой, пряный запах сахара, опилок, имбиря, ветчины, уксуса, хлеба, перца, сала, копченых селедочек.

— Пожалуйста, отвесьте мне хлеба, мистер, и полфунта масла, и еще — коробку имбирных пряников.

А в те дни, когда Мама бывала больна, Фейни приходилось идти дальше, за угол мимо Меджиниса, вдоль Риверсайд-авеню, по которой ходил трамвай, потом на красный мост через речонку: зимою — черную между подрезанных льдом снежных берегов, в весеннюю пору — желтую и пенистую, летом — коричневую и подернутую нефтью. По ту сторону реки до самого перекрестка Риверсайд и Главной, где помещалась аптека, жили чехи и поляки. Их мальчишки всегда дрались с младшим поколением Мерфи, О'Хара, О'Фланегенов, живших на Орчард-стрит. С дрожью в коленках, крепко зажав в рукавчике завернутый в белую бумагу пузырек с лекарством, возвращался Фейни домой. На перекрестке ему предстояло проскочить мимо подстерегавших мальчишек. Проходить мимо них было не так еще страшно, но шагов через двадцать первый снежок гудел у него над ухом. Выбора не было. Пустится он в бегство — они догонят его. Уронит он пузырек с лекарством — ему зададут трепку, когда он вернется домой.

Комок рыхлого снега шлепал его по затылку, и снег начинал просачиваться за ворот. Только в полуквартале от моста он выбирал удобный момент и обращался в бегство.

— Трусливая кошка... Ирлашка-голодрашка... Кривоногий Мерфи... Бежишь ябедничать фараону... — ревели вслед за каждым снежком польские и чешские мальчишки.

Они готовили снежки с вечера, заливая их водой и оставляя мерзнуть на всю ночь: такой снежок бил до крови.

Играть без помехи можно было только у себя во дворе. На дворе — поваленные заборы, продавленные полойные ведра, старые горшки и сковородки, дырявые как решето и не годные даже в починку, пустой курятник со следами помета и приставшими к нему перьями, лебеда летом, грязь зимой. Но главной приманкой двора был крольчатник Тони Гарримана, в котором у него сидели кролики-фландры. Тони Гарриман — чахоточный мальчик — жил с матерью в нижнем этаже налево. Он собирался разводить и других зверьков: енотов, выдр, даже чернобурых лисиц — и на этом разбогатеть. Когда он умер, никто не мог найти ключа к большому висячему замку на двери крольчатника. Несколько дней Фейни кормил кроликов, с трудом проталкивая листики капусты и салата сквозь двойную проволочную сетку. Потом на неделю зарядил дождь и снег, и Фейни не пускали на двор. В первый же солнечный день он побежал проведать кроликов, один из них был уже мертв. Фейни побледнел; он старался уверить себя, что кролик спит, но тот лежал окоченелый и скорченный, он не спал. Остальные кролики забились в угол, поводя дрожащими носами, и большие уши беспомощно свисали им на спину. Бедные зайцы. Фейни хотелось плакать. Он побежал наверх на кухню, нырнул под материну гладильную доску и достал молоток из ящика кухонного стола. При первой попытке он хватил себя по большому пальцу, но со второго удара ему удалось сбить замок. В домике стоял странный кислый запах. Фейни поднял мертвого кролика за уши.

Мягкое белое брюшко начинало раздуваться, открытый мертвый глаз пугал Фейни своей неподвижностью. И вдруг что-то заставило Фейни бросить кролика в ближайший мусорный ящик и стремглав кинуться к себе наверх. Похолодев и все еще дрожа, он на цыпочках вышел на заднее крыльцо и заглянул во двор. Затаив дыхание он следил за остальными кроликами. Осторожными прыжками они приблизились к дверце крольчатника. Один уже выпрыгнул во двор. Он сидел на задних лапках, и уши у него поднялись и насторожились. Мать позвала Фейни принести ей утюг с плиты. Когда Фейни вернулся на крыльцо, кроликов уже не было.

В ту зиму на заводе «Чедвик» объявлена была стачка, и Отец потерял работу. Целыми днями он сидел в комнате, куря и чертыхаясь:

— Да что, во мне силы мало, что ли? Убей меня Бог, да я любого из этих полячишек проучу, хоть привяжите вы мне мой костыль за спину... Я и говорю мистеру Барри, я и не думаю, говорю, бастовать вместе с прочими, мистер Барри; человек я спокойный, рассудительный, да полуинвалид к тому же, и на руках у меня жена с ребятишками... восемь лет как я у вас в ночных сторожах, а теперь вы меня выставляете, чтобы набрать свору мерзавцев из сыскного агентства... А он, сукин сын... бульдог курносый...

— А всё эти смутьяны, вшивые иностранцы... Вздумали тоже бастовать, — успокаивал его собеседник.

На Орчард-стрит не жаловали забастовку. Забастовка — значит, для матери все новая и новая работа, все больше и больше белья в ее корытах, а Фейни и старшей сестре Милли надо помогать ей после школы. А потом мать заболела и слегла. Вместо того чтобы гладить очередную партию белья, она лежала в кровати, судорожно сжимая у подбородка сморщенные от стирки руки, и ее круглое белое морщинистое лицо было белее подушки.

Пришел доктор, пришла районная сиделка, и все три комнаты квартиры Мак-Крири пропахли докторами, сиделками, лекарствами, и Фейни с сестрою не находилось уголка, кроме как на лестнице.

Там они и сидели, тихонько всхлипывая. А потом мамино лицо на подушке съезжилось во что-то маленькое, белое, морщинистое, словно скомканный носовой платок, им сказали, что она умерла, и ее унесли.

Похороны устраивало ближайшее похоронное бюро на Риверсайд-авеню. Фейни чувствовал себя важной персоной, все целовали его, гладили по голове и говорили, что он держит себя настоящим мужчиной. Его одели в новый черный костюм, совсем как у больших, с карманами и всем, что полагается, разве только штаны короткие. На похороны собралось много разного народа, какого он никогда прежде близко не видел, — и мясник мистер Рессел, и отец О’Доннел, и Дядя Тим О’Хара, который приехал из Чикаго; и в комнатах пахло виски и пивом — все равно как в баре Финлея. Дядя Тим был костляв, лицо у него было красное и все в шишках, а глаза мутно-голубые. Он носил небрежно повязанный черного шелка галстук, который не нравился Фейни, и, то и дело нагибаясь, словно хотел сложиться, как перочинный ножик, шептал в самое ухо Фейни:

— Ты на них не смотри, старина, на эту шайку стервецов и лицемеров... Дорвались, черти... налакались. А вон отец О’Доннел, подсчитывает, видно, боров брюхатый, сколько получит за отпевание... Тебе на них наплевать, Фениан, ты ведь с материнской стороны О’Хара... Ну и мне на них наплевать. А она мне родной сестрой была по плоти и крови.

Дома, после похорон, Фейни нестерпимо захотелось спать, он промочил ноги, и они у него озябли. Никто на него не обращал внимания. Он сидел в темноте на краешке кровати и всхлипывал. Из передней комнаты доно-